

Е. Кругликова

Аничков мост (Ленинград) зимой (1924 г.)

Творчество Е. С. Кругликовой

Неоспоримая и, повидимому, окончательная победа фотомеханики, повсеместно вытеснившей в полиграфическом деле нелегкое и кропотливое искусство гравюры, есть победа чисто-утилитарного значения. Она не умаляет ценности граверного мастерства, как самостоятельной, заманчивой и увлекательной отрасли художественного творчества. Одним из самых верных и преданных работников этого искусства является Е. С. Кругликова, проф. полиграфического факультета Академии Художеств.

Граверной работе художница отдала около четверти века: ее первый офорт (жанровая сцена в Вальдемозе) относится к 1902 году. Офортная гравюра (травление кислотой на меди или цинке) навсегда приковала к себе симпатии Кругликовой; к другим видам гравирования, в частности к столь популярной в настоящее время ксилографии, она осталась равнодушной. Особенно охотно применяет Е. С. акватинту (травление запорошенной доски), дающую эффект чрезвычайно мягкого и глубокого рисунка, похожего на кистевые этюды тушью. Применяет она и травление на мягком лаке, и гравирование сухой иглой, но особенно часто и охотно работает в манере *монотипии*. Этот способ, который нельзя, в сущности, считать гравюрой, потому что он не связан ни с резьбой, ни с травлением, представляет собою оригинальный и несколько курьезный художественный каприз: на металлическую доску наносится красочное изображение и, пока

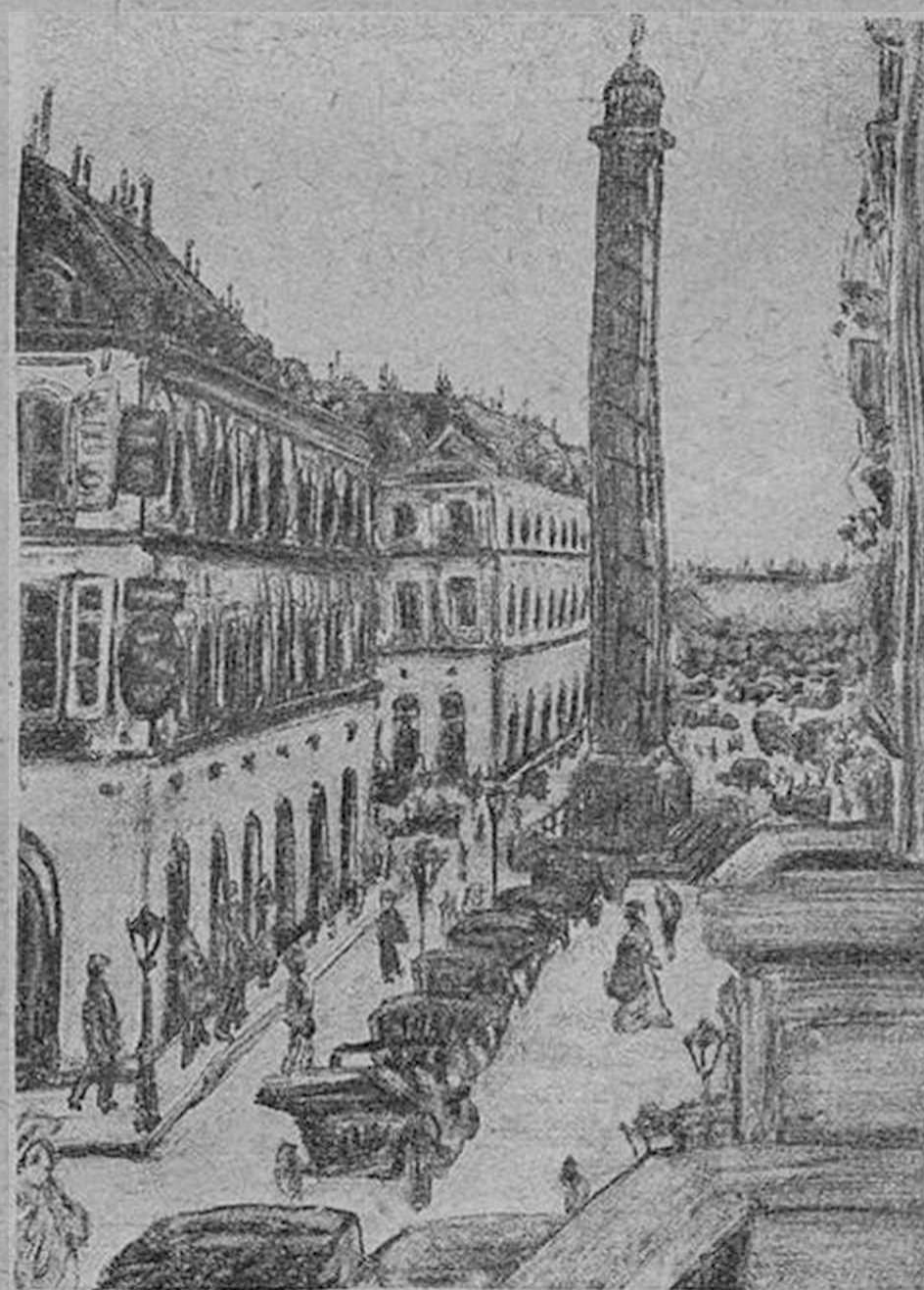
краски не высохли, делается отпечаток на бумаге. При этом получается всего один оттиск (много—два, три, но уже гораздо

бледнее), своеобразие которого заключается в особой прозрачности, воздушности фактуры. Работа эта требует большого внимания и спешки, этюд должен быть сделан в короткий срок (не более двух часов), иначе краски засохнут и не дадут отпечатка.

Цветы изображены в монотипиях Кругликовой без педантического натурализма, без мертвящей протокольности, любовно, легко и свободно. Это не «ботанический атлас», а какая-то благоуханная поэма о цветах.

Другая тема, постоянно привлекающая внимание художницы—Ленинград. А. П. Остроумова-Лебедева создала незабываемые отражения Ленинграда в деревянной гравюре, Кругликова—в офорте и монотипии. Здесь и старый Петербург, с его величавой ампирной архитектурой, с его каналами, окаймленными чугуном ажуром, с фальконетовским Петром и пленительной ширью Невы. Здесь и Красный Ленинград, деловой и рабочий, с революционной толпой на улицах. Еще не совсем залечены его раны, и мрачные руины местами напоминают о первых суровых годах революции.

Если у Остроумовой сильнее и «крепче» выражен архитектурный облик Петербурга, если у Добужинского с несравненной тонкостью выявлено обаяние белых ночей, то у Кругликовой уловлен самый воздух нашего чудесного города, особенно—прямой запах осени, когда днем и ночью натянуты над городом струны дождя, и грозно надвигается наводнение... Некоторая неубе-

Е. Кругликова

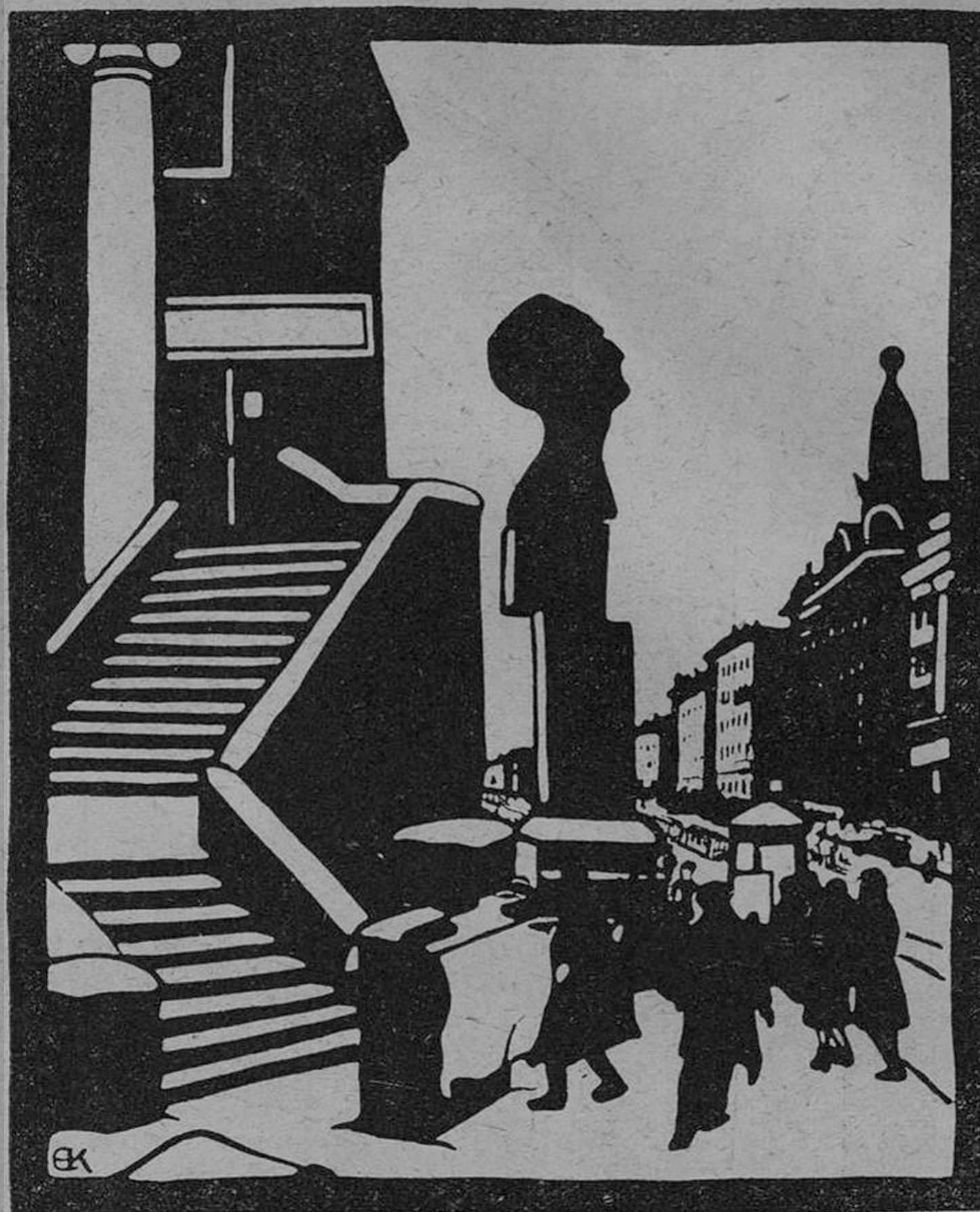
Улица Мира в Париже (монотипия)

ренность и вялость рисунка искупаются у Кругликовой умением найти интересный «угол зрения» на тот или иной городской ансамбль.

В многочисленных монотипиях, отражающих образ и быт Парижа, художница сумела передать обаяние «вечного города», жизнерадостную суету бульваров, весь своеобразный уклад этого архи-буржуазного и архи-богемного европейского центра.

Прирожденное пристрастие к красочности не мешает художнице культивировать такое, казалось бы, отвлеченное, внекрасочное искусство, как *силуэт*. В этой области она работает, подобно многим силуэтистам старого времени, исключительно ножницами. Бесчисленные силуэтные портреты Кругликовой обнаруживают ее наблюдательность, умение подмечать характерные черты модели, но также и стремление утрировать их почти до степени шаржа. В этих силуэтах художественная правда принесена в жертву характерности. Силуэтное искусство Кругликовой является зеркалом нашей эпохи (кого только в нем нет!), но это зеркало далеко не безупречно, напоминая иногда «веселые зеркала» Народного Дома. Тем не менее, мимо этих черных профилей не пройдет ни один любитель иконографии и к ним не раз обратится будущий исследователь нашей эпо-

Памятник Лассалю в Ленинграде

Силуэт Е. С. Кругликовой

хи. Он найдет тут и вождей Октябрьской революции; и Глазунова, дирижирующего оркестром; и Гречанинова за роялем; и Макса Волошина, читающего стихи и группу художников, толпящихся на выставке. Вот столп и утверждение «Мира Искусства» — Александр Бенуа у себя в мастерской, за работой; вот Маяковский, с трубкой в зубах; вот благородный профиль Блока... Начинает казаться, что Кругликова эта — та «мама», о которой рассказывает Сологуб в своем жутком рассказе «Тени», с тою только разницей, что мир теней не поглощает без остатка всех сил ее воображения. И как яркий контраст тeneвым, бескрасочным образам, в творчестве Кругликовой развертывается пестрая вереница цветов и пейзажей. Скромный ландшафт Тульской губернии сменяется патетическими уступами гор далекой Корсики, виды Бретани чередуются с уголками Москвы, осень в Сен-Клу следует за просторами Коктебеля...

И можно только радоваться тому, что художественная молодежь, достаточно зараженная графическими абстракциями, имеет возможность поучиться у своей руководительницы этой ненасытной любви к живой природе, к ее дивному цветению в бесконечных ее разновидностях...

Э. ГОЛДЕРБАХ

ПЕРЕД СТИХАМИ

Сергей Городецкий

Нет, не белый взлет метелей
Над землей необозримой.
Нет, не судорога в теле
Неразгаданной любимой.

Нет, не шаг ночных прохожих
В тихий дом, к теплу и свету.
Нет, не гул подземной дрожи
В горах, двинувшихся к лету.

Это тише шума листьев,
Рвущих почки. Легче звука.
Это острых звезд лучистей.
Это радостная мука.

Это в самых малых порах
Сердца, жаждущего биться.
Это шелест слов, в которых
Мысль моя сейчас родится.

СТОРОЖ

Петр Орешин

В золотой тишине
Раскудрявился клен
И стоит при луне
Караульщиком он.

Полушубок на нем —
Золотая листва.
На просторе степном
Небеса да трава.

Уж, ты стой, сторожи,
Табуны попаси...

От накошенной ржи
Весело на Руси!
Загуляла гармонь
По дороге села,
И заря, как огонь,
На полях зацвела.
Только я в стороне —
Над речной глубиной.
Видно счастье ко мне
Повернулось спиной.
И ушло навсегда,
И растаяло в дым...

И играет вода
Отраженьем моим.

Не горюй, не грусти,
Сторожи мой загон
При широком пути,
Златолиственный клен.

Мне дана от судьбы
Синеногая прыть...
А тебе от избы
Никуда не ходить!

КРАСНАЯ НИВА

Рисунки К. Кузнецова

Рассказ А. Ульянского

День был двенадцатый, час послеобеденный, солнечный. Все село в этот час на улице и у ворот, чужому человеку пройти полторы версты мимо сотен глаз—пытка. У хаты второй с краю, за глиняным забором стоял кто-то рыжебородый, туловища его не было видно, и огненная непокрытая голова лежала на заборе, как на блюде, ловила губами и выплевывала семечки, смотрела, не мигая, на дорогу. Голубые маки позади нее трепались под ветром, и тени от них комочками бегали по белой стене хаты.

— Где тут у вас корчма?—спросил Трын, останавливаясь перед головой, как перед неизбежностью, потому что лучше было говорить с одной головой, чем с десятком.

Зеленые глаза поднялись на Трына, и он прочел в них удивление, и кой-какую веселость, и неторопливую работу мысли. Он знал, что результатов ее придется подождать.

В украинских селах не торопятся с ответом, когда говорят с незнакомыми людьми. Потому что, прежде чем ответить человеку, надо определить, кто он такой. А для этого лучше всего, не тратя слов, посмотреть на него, как следует. И, прикуривая цыгарку, здесь составляют о человеке мнение более полное и нерушимое, чем если б говорили с ним час.

Голова, не отрываясь, смотрела на Трына, шевелила скулами, разгрызая и выплевывая семечки, медленно думала. Тринадцать семечек успела она сгрызть, пока, наконец, ответила. Но это уже был ответ, в котором все было предусмотрено.

— В корчму тебе незачем итти,—ответила голова.— Не для тебя там. Тебе надо к Ривке итти. Вот куда.

Это было плохое начало. Это значило, что голова без колебаний зачислила его в евреи и большевики. А это совсем не весело, когда, при Деникине,—проходишь один через незнакомое село, где не на кого будет сослаться, если дело дойдет до серьезного.

— Да и у Ривки тебе тоже будет не сладость,—продолжала голова после раздумья.— У нее ты тоже не спрячешься...

Трын насторожился.

— Мне не от кого прятаться,—сказал он надменно и с тайным беспокойством, но голова показала, что именно этого ответа она и ждала от Трына.

— С той стороны, от Еремеевки,—сказала голова, показывая в другой конец села,—каратели едут. Может мимо проедут, может остановятся...

Для Трына это был удар в точку, и даже не стоило делать вида, что встреча с карателями для него безразлична. Он отвернул взгляд от зеленых всевидящих глаз и хмуро спросил:

— К Ривке куда?

Голова бровями показала на купол вдаль и куда-то вбок, и когда Трын зашагал прочь, крикнула вдогонку:

— Тебе бы в степ, миляга! На хутора забейся...

Трын с мучением шагал. Головы из-за заборов поворачивались ему вслед, руки, вбрасывавшие семечки в открытые рты, застывали на полдороге, глаза с удивлением провожали бритого горбящегося человека, с пенсне на остром носу и черными обмотками на жиденьких икрах. И от этих взглядов у Трына обмотки липли к ногам и шаг делался неверным.

— Бачишь?—сказала одна голова другой.—Большевик идет...

И такое удивление было в этом голосе, точно большевик здесь мог явиться только с того света.

У церкви, под липами на скамьях было пестро от девичьих лент, на земле вдоль скамей рядой лежала шелуха, десятки челюстей работали равномерно. Трын знал, что здесь не в бычае задевать прохожих и отпускать им вдогонку шуточки, но молчание, провожавшее его, было хуже всяких насмешек—точно для таких, как он, здесь даже и слов никаких не находилось.

У поворота к мосту на скамейке хлопец, заигрывая с дивчатами, спрашивал высокомерным баском:

— Чого-сь то вы шукаете?

— Вчорашнього дня...—отвечали дивчата лукаво и ласково.

Разводили руками, показывая, что никак не могут понять, куда девался вчерашний день, смотрели на хлопца с поборота, точно им не полагалось задерживаться и надо было продолжать поиски.

— Сидайте!—предложил хлопец и подвинулся на скамье.

Жест был робкий и глаза просительные, зато тем небрежнее звучал голос. Дивчата, улыбаясь, сели. Должен был начаться жарт. Хлопец, покраснев, думал, с чего начать. И уже почти что придумал что-то и дивчата заранее засмеялись. Но тут к скамейке подошел Трын и спросил, где ему свернуть к Ривке. Смех оборвался. Дивчата опустили глаза. Хлопец, разинув рот и не сразу, показал на домик за мостом. И опять, двинувшись, Трын услышал за спиной удивленный шопот:

— Бачишь? Большевик идет...

Он обернулся. Но увидел взгляды скорее жалостливые, чем иронические. А хлопец от интересу даже встал с места и смотрел ему вслед.

У Ривки не было заперто. Трын постучал и вошел. Ривка